У. Б. КЕННОН

Мои встречи с И. П. Павловым

В некоторых отношениях научная деятельность как моя, так и русского физиолога Павлова имела одинаковые пути развития. В течение ряда лет он и его сотрудники изучали, как протекает и регулируется работа пищеварительных желез. Впоследствии, отказавшись от не удовлетворявшего его термина «психическая секреция» (расплывчатый термин, применяемый для определения физиологического процесса), Павлов вновь обратился к своим весьма детализированным и углубленным работам над поведением организма, определяемым тем, что он назвал «условными рефлексами».

Мои ранние работы равным образом касались процессов пищеварения; в них, однако, первенствующую роль я приписывал механическому действию мышечных сокращений желудка и кишечника. Замедление сокращений пищеварительного тракта при наличии эмоциональных раздражений, как уже известно читателю, заставило меня заинтересоваться другими весьма многообразными моментами, при которых сильные эмоции могут вызвать изменения в организме. Сходство наших работ привело к переписке между нами.

Моя первая личная встреча с Павловым относится к 1921 г. Он приехал в нашу страну со своим сыном Владимиром, который прекрасно говорил по-английски. Они провели несколько дней в Нью-Йорке и уже собирались посетить Нью-Хейвен и Бостон, когда с ними произошел неприятный случай. На Большом центральном вокзале они вошли в пустой вагон поезда, причем за ними следом вошли три человека подозрительного вида. Один из них остался у двери. В то время как сын Павлова укладывал чемодан на полку, двое других схватили Павлова и быстро обыскали его. Они выхватили бумажник из кармана пальто беззащитного человека — ему было около 74 лет — и, прежде чем можно

было что-нибудь предпринять, скрылись. В бумажнике было около полутора тысяч долларов. У Владимира Павлова были еще деньги, но немного. Отцу и сыну не оставалось ничего другого, как вернуться в город и искать помощи у друзей. Они пришли в Институт Рокфеллера и объяснили, что с ними случилось. Проф. Павлов был расстроен нанесенным ему оскорблением не меньше, чем потерей денег. На вопрос о его планах он ответил, что хотел поехать в Бостон, а затем совершить краткий осмотр Биологической лаборатории Вудс Хола. После этого он намеревался вернуться в Россию, где он будет в безопасности!

Ему и его сыну была предоставлена возможность выполнения намеченной программы, включая Вудс Хол. В это время ко мне позвонил д-р Ричард Пирс и обратился с просьбой, чтобы я убедил их принять помощь от Института Рокфеллера, что позволило бы им выполнить свои первоначальные планы путешествия по Соединенным Штатам. Это мне удалось сделать.

Я живо вспоминаю подвижное и оживленное лицо Павлова, когда на Южном вокзале Бостона он, сильно прихрамывая и протягивая руки, быстро шел мне навстречу. После посещения Медицинской школы и беглого осмотра ее физиологической лаборатории мы поехали ко мне домой в Кембридж. В прохладном доме мы провели жаркий июльский полдень за чтением и разговорами. С наступлением вечера мы направились в Гарвард-Ярд. Так как моя семья была в Нью-Гэмпшире, в доме, следовательно, никого не оставалось. Когда я запер двери, Павлов осведомился: «А где же сторож?» Я объяснил, что сторожа нет. Увидев на дворе мой старый форд, он заметил: «Кто-нибудь может украсть вашу прекрасную машину». Когда я уверил его, что никакой опасности нет, он поднял руки и воскликнул: «Какая глубокая, какая бездонная пропасть между моралью Нью-Йорка и Кембриджа».

По дороге в Вудс Хол Павлов «определил» мне значение одного слова. Мы больше разговаривали на простом немецком языке, который я понимал и на котором вполне мог объясняться. Человек, сидящий на скамейке напротив, держал в руках газету, на которой был крупный заголовок, указывающий, что где-то произошел какой-то «провал» (fizzle). Павлов повернулся ко мне и спросил: «Was meint das Wort “fitzel”? Fiasco?» Я сказал, что его предположение совершенно правильно. С тех пор я не могу видеть двух «z» в слове, чтобы сразу не вспомнить звук «tz», который произнес Павлов, и приятное впечатление, оставшееся у меня от встречи с этим живым, острым, наблюдательным стариком, сидевшим рядом со мной.

В 1929 г. Павлов снова приехал в Кембридж для участия в Международном физиологическом конгрессе. Он был героем собрания. Хотя ему было 80 лет, казалось, что он полон безграничной энергии. Его доклад о результатах работы и его разговоры были полны изумительной энергии и сопровождались бурной жестикуляцией. Та сторона его натуры, которая не могла проявляться в его научной деятельности, однажды раскрылась совершенно неожиданно. Дело было так. Как-то вечером у меня в доме я рассказал одну историю, в которой был целый ряд невероятных происшествий и недоразумений, что в свое время очень напугало мою жену и заставило близких друзей срочно приехать и навестить меня в Чарльз-Ривер. В то время как слушающие историю смеялись при юмористических моментах запутанной фабулы, старик Павлов сидел и слушал торжественно и строго и, когда я кончил рассказывать, он повернулся к миссис Кеннон и выразил ей глубокое сочувствие по поводу перенесенного ею беспокойства.

В последний раз я видел Павлова в Ленинграде и Москве на заседаниях Физиологического конгресса в 1935 г. Ему тогда было 86 лет, и он еще сохранил много прежней подвижности и жизненной энергии. Незабываемым остается день, проведенный с ним в окрестностях Ленинграда, в громадных новых зданиях Института, построенных советским правительством для продолжения экспериментальных работ Павлова. Во время нашей беседы Павлов вздохнул и выразил сожаление, что такие грандиозные возможности не были предоставлены ему 20 лет тому назад. Если бы можно было повернуть время назад, то ему, Павлову, было бы 66 лет, а это возраст, когда обычно деятели науки уже отходят от активной работы!

Несмотря на многочисленные требования, предъявляемые Павлову как председателю конгресса, он исполнял свои обязанности с замечательным искусством. Было очевидно, однако, что здоровье его далеко не блестяще, что заметно было по отекам ног. Конгресс происходил в августе, а в феврале следующего года Павлов скончался; это был человек, достойный и почитания, и славы.

<1945>